

тот, импровизировать, ставить перед собой все более сложные профессиональные задачи, наслаждаясь самим процессом творчества — «студийного» по атмосфере и природе. Они сплотились вокруг молодого главного режиссера Писчелла Цюпы и остаются ему верными даже после того, как конфликт привнес в его уход из театра. Они борются сейчас за его возвращение — война иное качество работы, уже просто не могут играть по-старому.

3. Раскол

Другую часть составили приверженцы «оперетты без затей». Им оказались чужды идеи постоянного треннинга, они считают, что полученных в консерватории языков вполне для театра хватает. Поставленные Цюпой спектакли «Сиранов», «Играем в Принца и Ничего», «Сильные», «Клоп» кажутся им непонятным трюкачеством. Нормальное столкновение разных мнений о спектаклях видится им как борьба кланов и группировок. Отсюда непримиримость, враждебность к тому, что понять и принять они, увы, оказались не готовы.

Вместе с тем я вовсе не полагаю, что корень конфликта в патологической невосприимчивости «консерваторов» к новому — может ли артист, если он артист, не почувствовать душой талантливое, живое, интересное! В Минском театре идет эгалитарный спектакль «Моя прекрасная леди», поставленный С. Штейном, — там увлеченно играют обе «группировки», и он не вызвал раздора. До сих пор жива память о работе с Р. Виктюком над «Горем от ума» — в театре говорят о нем как о моменте счастья. Хотя спектакль был абсолютно новаторским, острым, потому и был разгромлен присклонной критикой.

Конфликт возник вокруг спектаклей В. Цюпы. Став главным режиссером, он заложил новую творческую программу: будем строить театр высокой синтеза всех средств, доступных музыкальной сцене. Он сделал ставку на молодость с его развитой драматургией и каждый раз новой музыкальной формой, с его способностью углубить связь с реальностью и общими течением искусства. Он поставил спектакли, майский из которых сам себе жанр. Даже насквозь залетой «Сильные» сумел сообщить свежесть чувств, неожиданность решений, остроту постижения характеров и темы человеческого достоинства. Быстро сложилась «команда» художников, ему творчески

связных с ним и впитала работа. Остальные поняли, что могут стать в театре лишними. И отделились.

Выходила спектакли, вокруг них разгорались споры, зал покидали любители вздыхать о красивой жизни, но зато в театр унавали допросы те, кто жаждал живого слова. Театром заинтересовались печать, телевидение; ваш покорный слуга, открыв для себя «минский феномен», написал о нем в центральной газете. Все это раздразнило тех в театре, кто не мог или не хотел понять «новаций». И быть может, потому, что чересчур высокие творческие идеи никак не обуревали их душу, или по другим каким причинам, но они и поведенческие «протестантов» объясняли так, как им привычней: индуст. мол. популярность, сколачивают, мол, группировки, организуют, мол, прессу — кругом «свои люди». К сожалению, в споре двох мнений такой уровень мышления навязывает обычно свои «условия игры», ибо возвысится до идеи всегда трулище, чем сдаться в бездну нигилизма. Стенка пошла на осечку. Неприязнь переросла в ненависть. Партнеры по сцене не могли видеть друг друга, срывались на брань, оскорбления, опускались до сплетен и сплетен. Не стану исследовать, что тут правее больше, это действительно внутреннее дело коллектива. Но ясно: в такой обстановке уже невозможно быть объективным никому из спорщиков.

И все же хочу снова повторить к их художническому достоинству. Творцы же они, то есть соавдатели, а не разрушители! Ведь вопрост стоит ребром:

4. Быть ли театру

Те, кто уже говорил или писал о «Сиранов», «Сильные» или «Клоп», неизменно начинали и кончали режиссером: некто постановка тут несет в себе концептуальное начало, она определяет оригинальность спектаклей. Но перед нами — надо подчеркнуть — коллективная победа. В обусловленном режиссером художественном пространстве легко, разнообразно и обильно раскрываются таланты, подчас неожиданные для опереточной сцены. Свообразие и новизна залая буржуазия воображение художника В. Жданова, именно здесь проявившего себя как мастер зрелый и самостоятельный. Редко такая пластическая выразительность «Клопа» или «Сильных» — это по-настоящему творческий труд балетмейстера В. Бут-

римовича, который в традиционной оперетте ставил традиционные divertissements, а тут обнаружил умение мыслить образно, сложно, иронично, понимание спектакля как пластического единства. Костюмы «Клопа», придуманные О. Желонкиной, заслуживают отдельного рассказа. То, что делают здесь актеры Н. Гайда, З. Веркибкая, И. Линевич, Г. Коадов, А. Кузьменков, А. Костецкий, К. Лосев, любой исполнитель эпизода, довший балет и танцующий хор и, конечно, совершенно фантастический Г. Харин в роли Присыпкина, вызывает восхищение не только щедрой талантливостью, но и виртуозной артистической техникой, азартным и редким на театре «все могу». Все складывается в оригинальное сценическое творение, в остроослаженное прочтение не только комедии Малковского, но и драмы нашей истории, нашего прошлого и настоящего, всего того, что мы переосмысливаем и чем боимся сегодня. Спектакль очистительный, необходимый прежде всего душе — хотя это и пириество для глаза, и фейерверк ритмов, и три часа отменно смешного действия.

В Минске творческий поиск театра был удостоен... фелетона в местной печати.

Ну что ж, есть города театральные и не очень. Это качество определяется плотностью культурной атмосферы, зрительскими навыками и предпочтениями. В Минске нередко проваливаются спектакли, которые имели бы долгую и счастливую, а иногда и громкую, и славную жизнь в Москве или Ленинграде, в Одессе или Свердловске, Риге или Челябинске — там, где есть развитые театральные традиции. Тем важнее, что принципиальный для всей нашей музыкальной сцены творческий поиск начался именно в этом городе. И тревожно, если люди, профессионально занимающиеся критикой, оказались здесь неспособны отнестись удачу от поражения, творческую победу от едла ли не халтуры — это ведь не только результат утраты культурных традиций, но и начало утрат новых.

«Советская культура» уже поддержала спектакль. Для полноты картины дадим слово и участникам обсуждения спектакля «Клоп» на недавнем фестивале в Москве.

И. ВАСИЛИНИНА (журнал «Театр»): Это великое и неординарное. Замечательная музыкальная культура, прекрасный эдакие авторы, авторы, авторы. В спектакле есть подлинный драматизм, а форма проста и прелесть. Когда в театре приходит что-то новое, эмоциональное, эстетическое, это не может не вызывать восхищения. Радость, которую я получила от этого спектакля, меня полностью захватила и наполнила душу. Я увидела звездных актеров оперетты

В. РЫЖОВА: Меня поразила режиссерская и актерская изобретательность. Присыпкин — Г. Харин — наш герой, наш герой и наш герой, наш герой трагедии. Это актер замечательных возможностей. Настоящий феерик устроил А. Кузьменков в роли сироты. Из таких спонтанно и создается современный музыкальный театр...

Г. Г. КОРОВОВ (журнал «Театр»): «Театральная жизнь»: Этот спектакль — разговор с Малковским и одновременно дискуссия с ним, и речевая не маня. В нем есть произвольная лирическая нота, обращение и душе человека и в то же время — мир на бумагу, трагифарс. Все это работает на расширение смысла спектакля и оставляет очень сильное эмоциональное впечатление.

В. МИЛКОВ (режиссер ГАБТ СССР): Постановочный тоник понимает природу чувств антера, и это позволяет удивительно тонко выстроить весь спектакль. Вот еще одно подтверждение тому, что режиссер — главная фигура в современном музыкальном театре...

С. КОРОВОВ (Театр Дружбы народов): Появление такого спектакля, как «Клоп», — свидетельство того, что в нашем музыкальном театре появилось новое перспективное направление. На пленуме, посвященном проблемам музыкальной сцены, мне запомнились слова В. Полюховского: «Нам нужен театр без берегов». Именно такой театр Цюпы. В. В. ДАШКОВИЧ (журнал «Театр»): Это серьезная и продуманная работа, она созвучна пьесе Малковского. Мы благодарны, что мыла с Ю. Ником идея была так талантливо воплощена, что материал, который нам дорог, попал в такие бережные и тонкие руки...

То, что сделал Минский театр музыкальной комедии под руководством В. Цюпы, — это реальный выход на салион-мещанского опереточного тупика. Дорога, которая открывает перед застоявшимся жанром. К немногим театрам-лидерам присоединился еще один — событие радостное и важное.

Постому нельзя молчать а тот момент, когда конфликт в театре достиг взрывной силы, когда шаг за шагом готовится почва для того, чтобы эти завоевания скомпрометировать и уничтожить, а сам театр, успешный поставщик зрительских портативных водовил и репертуарный «Принцесса цирка», уже вполне готов перестать в лице «провинциальной оперетты». Во всем случае программы, которую изложил ныне возглавляющий театр М. Гусев, трудно назвать творческой.

Демократия в наших театрах принимает все более уродливые формы и имеет все более катастрофические для искусства последствия. Члены творческих коллективов часто рассматривают театр как свою коммунальную квартиру, где все вопросы решаются голосованием. Но тогда истинными хозяевами становятся те, кто активнее более в митингах, чем в творчестве. Самые талантливые театральные свершения оказываются беззащитными перед гродом разрушительных амбициозных воял.

Наша неповоротливая музыкально-теат-

ральная система будет нечувствительна к множеству подобных конфликтов, ибо у нас театр не идея, а учреждение. И нет здесь места студийности, единения приравнено к «групповщине», а лидер, в сущности, бесправен. Громогласные, отголоски традиции и предрассудками, зачеркнут «балластом» и интригами «производственно-творческие коллективы» и в мировое время напоминают Лебеда, Рака и Шуку, а в бою страшны и готовы саморазрушиться, но не допустить «высочек» и «власти».

На обсуждении в Москве прозвучали слова: театр Цюпы. Прозвучали закономерно, потому что перед нами зрелое, яркое режиссерское мышление, способное стать началом и направлением, и школы.

Но театр Цюпы сегодня бездомен. Его противники празднуют победу. Его участники не ищат никаких перспектив, их лидер теперь в другом театре, даже в другом виде искусства; спектакли оказались в окружении глубоко враждебным, идут крайне редко и обречены на вымирание. Труппа на грани утраты ведущих, наиболее ярких мастеров.

Создать новый театр? Во всем мире так и было бы — но готов ли к решительным шагам Минск? Ведь не студия должна образоваться, а большая, технически оснащенный, многолюдный и уникальный Театр музыкальной драмы и комедии, мюзикла и фольклора... Он уже есть — дайте ему дом.

Молчат город. Молчат Министерство культуры СССР и СССР. Хотя они созданы для того, чтобы содействовать решению таких проблем, минимизировать экологическую творческой среды.

Сейчас остро необходимо некое слово авторитетных в искусстве людей. Слово убежденное. Слово оценки, наконец, раз уж сам театр оказался не в состоянии оценить собственную победу и собственные возможности. Ведь звучим выходом из ситуации был бы мир. Иморальное творческое соревнование разных направлений. Для этого, правда, нужно вновь яростно способствовать раздвоению успехам друг друга и своего коллектива в целом. Не бороться, не вытеснять и не отселять. Болеть за театр и гордиться им...

Всего, как говорится, ничего.

А пока стоит появиться у нас талантливому «высочке» с идеями, программой и жаждой работать, он неизменно оказывается в горниле самых кровавых драм. Иди ему сегодня некуда: его ждет Театр, но его не ждут, его отторгают театры.

В. КИЧИН.